

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ КИРИЛЛЪ НАУМОВЪ,
ЕПИСКОПЪ ЖЕЛИТОПОЛЬСКИЙ,
 бывшій настоятель русской православной миссиі въ Іерусалимѣ.
(Продолженіе ¹⁾).

XI.

Къ исторіи присоединенія сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви ²⁾.

Въ 1898 году, 25 марта, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы совершилось въ Петербургской Александро-Невской Лаврѣ радостное для всего православно-христіанскаго міра событіе. Разумѣемъ присоединеніе сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви, въ лицѣ нарочито явившейся депутаціи отъ сиро-халдейскаго несторіанскаго общества во главѣ съ епископомъ Маръ-Іоною. Наша церковно-историческая литература тогда же признала это событіе имѣющимъ весьма важное значеніе ³⁾. И послѣдствія этого событія, безъ сомнѣнія, могутъ быть великими и русской православной церкви, въ лицѣ миссіонеровъ ея, предстоитъ еще весьма широкое и плодотворное поприще среди новоприсоединеннаго общества.

Но событіе это вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и всѣ вообще историческія явленія, совершилось не неожиданно, не безъ предварительной—продолжительной и серьезной—подготовки. Русская

¹⁾ См. Труды Киевск. дух. Академіи, октябрь 1899 г

²⁾ Настоящій очеркъ составленъ почти исключительно на основаніи подлинныхъ рукописныхъ, неизданныхъ, документовъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода въ д. № 3118 за 1859 г.

³⁾ См. Церк. Вѣстн. 1898 г. № 13, стр. 449.

православная церковь, хотя и позже другихъ христіанскихъ инославныхъ обществъ, но все-таки давно уже вступила въ непосредственныя сношенія съ сиро-халдейскими несторіанами. Такъ что событіе 25 марта 1898 года явилось только исполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ этихъ сношеній¹⁾.

Начало этимъ сношеніямъ положили сами же сиро-халдейцы, которые, подобно вѣсьмъ христіанскимъ народамъ Востока, всегда смотрѣли на Россію, какъ на самую надежную и желательную покровительницу и защитницу ихъ отъ окружающихъ ихъ со вѣхъ сторонъ фанатичныхъ, нерѣдко къ тому же дикихъ послѣдователей ислама. Еще въ концѣ XVIII в. сиро-халдейскіе несторіане искали покровительства себѣ у Россіи, но безплодно, такъ какъ русскому правительству, занятому тогда внѣшними войнами, было не до

1) Сиро-халдейцы, называемые также иногда просто халдеями, или по-мѣстному айсорами, представляютъ пережитокъ, или ничтожный остатокъ древняго и нѣкогда славнаго народа. Впрочемъ, въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи сиро-халдейцевъ ученые расходятся, производя ихъ—одни отъ древнихъ халдеевъ, а другіе отъ тѣхъ израильтянъ, которые были отведены въ плѣнъ въ Месопотамію ассирійскими царями Тиглатъ-Пелассаромъ и Салманассаромъ. Среди сиро-халдейцевъ, или айсоровъ, живущихъ въ верховьяхъ рѣкъ Тигра и Евфрата, въ предѣлахъ персидскаго и турецкаго государствъ, христіанство распространилось весьма рано, въ первомъ вѣкѣ нашей вѣры, по ихъ преданію, отъ тѣхъ самыхъ вождовъ восточныхъ, которые приходили въ Вавилонъ поклониться Спасителю и которые происходили, будто бы, изъ ихъ народа, въ частности изъ ихъ главнаго города Урмія. Къ IV в. нашей эры сиро-халдейцы составляли уже многочисленную христіанскую общину, находившуюся въ зависимости отъ антиохійскаго патріарха и, къ сожалѣнію, усвоившую несторіанскую ересь, осужденную третьимъ вселенскимъ соборомъ (431 г.). Наиболѣе цвѣтущаго состоянія, особенно въ количественномъ и пространственномъ отношеніи, сиро-халдейская церковная община достигла въ XI—XII в.в., когда обнимала почти всю Азію включительно съ Индією и даже Китаемъ. Но послѣ страшнаго разгрома сиро-халдейской несторіанской общины, произведеннаго въ XIV в. извѣстнымъ завоевателемъ Востока, Тамерланомъ, отъ нея уцѣлѣлъ самый жалкій остатокъ нѣкогда сильной общины, около 500 лѣтъ уже находящейся подъ гнетомъ турецкаго и персидскаго иновѣрныхъ правительствъ, но болѣе всего терпящей отъ окружающихъ дикихъ курдовъ, и управляемый своимъ духовнымъ владыкою—„каволикосомъ“, или патріархомъ...

сиро-халдейцевъ. Но эта неудача нисколько не ослабила въ несторіанахъ сиро-халдейскихъ сочувствія къ Россіи. Послѣ персидской войны въ 1829 году стремленіе сиро-халдейскихъ несторіанъ найти покровительство у Россіи приняло болѣе реальную форму, выразившись въ заявленномъ ими желаніи присоединиться къ русской православной церкви. Это желаніе было настолько сильно, что часть несторіанъ тогда же, подѣ влияніемъ именно подобнаго стремленія къ церковному соединенію съ русскимъ народомъ, переселилась изъ Персіи въ Россію и здѣсь, дѣйствительно, приняла православіе. Эти новообращенные переселенцы, безъ сомнѣнія, еще болѣе содѣйствовали оживленію давней склонности сиро-халдейскихъ несторіанъ къ соединенію съ русскою православною церковью. При ихъ нѣкоторомъ участіи въ концѣ 1850 годовъ возникла новая попытка со стороны сиро-халдейцевъ найти себѣ защиту и покровительство у Россіи и прежде всего, соединиться съ русскою православною церковью. Попытка эта, хотя и не сопровождалась полнымъ благопріятнымъ исходомъ, но, безъ сомнѣнія, имѣла весьма важное значеніе въ общей исторіи при соединеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ съ русскою православною церковью. Объ этомъ моментѣ исторіи сношеній между русскою церковью и сиро-халдейцами у насъ и будетъ рѣчь.

Сношенія сиро-халдейскихъ несторіанъ съ русскимъ правительствомъ церковнымъ и гражданскимъ—на сей разъ началось черезъ посредство начальника русской второй духовной миссіи въ Іерусалимѣ преосв. Кирилла Наумова, имя котораго и особенно благопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на всѣхъ христіанскихъ обитателей Востока—не только православныхъ, но даже и инославныхъ, также, безъ сомнѣнія, немало содѣйствовало возникновенію въ это именно время среди сиро-халдейскихъ несторіанъ стремленія къ соединенію съ русскою православною церковью.

Передъ праздникомъ Пасхи. въ 1859 году, явился въ Іерусалимъ изъ Константинополя одинъ сиро-халдейскій священникъ, по имени Михаилъ. Принятый ласково и радушно начальникомъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, халдейскій священникъ Михаилъ объявилъ ему, что онъ прибылъ сюда, по совѣту трехъ патріарховъ—вселенскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго, для переговоровъ съ преосв. Кирилломъ по поводу предпринятаго имъ дѣла—присоединенія къ православной церкви 30.000 семействъ, находящихся въ персидской провинціи, называемой Руми-сехиръ (‘Рومی-сэхір’, т. е. мѣсто грековъ, мѣсто православныхъ). Священникъ Михаилъ увѣрялъ, что эти семейства, какъ и онъ самъ, православнаго исповѣданія, по несчастію только отнѣшшія отъ видимаго общенія съ православною церковію, что продолжалось уже 400 лѣтъ.

Іерусалимскій патріархъ (Кириллъ II), бывшій въ то время въ Іерусалимѣ, съ своей стороны, подтвердилъ заявленіе сиро-халдейскаго священника, сказавъ, что священникъ Михаилъ, дѣйствительно, получилъ въ Константинополѣ совѣтъ отправиться въ Іерусалимъ для свиданія и переговоровъ съ начальникомъ русской духовной миссіи. Патріархъ, при этомъ отъ себя прибавилъ, что дѣло, начатое священникомъ Михаиломъ, заслуживаетъ полнаго вниманія и его можетъ взять на себя только русская Церковь. Но въ то же самое время патріархъ іерусалимскій высказался, что онъ не вѣритъ православію ни священника Михаила, ни названныхъ имъ 30.000 семействъ, считая ихъ несторіанами, почему онъ и не разрѣшилъ священнику Михаилу участвовать въ богослуженіи и пріобщаться св. Таинъ въ праздникъ Пасхи.

Бесѣды самого начальника русской миссіи въ Іерусалимѣ съ халдейскимъ священникомъ Михаиломъ не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ ни по отношенію къ опредѣленію его вѣроисповѣданія, ни въ отношеніи уясненія его желаній. Тогда преосв. Кириллъ Наумовъ предложилъ

халдейскому священнику Михаилу изложить исторію и сущность своего дѣла на бумагѣ. Бумага эта (на греческомъ языкѣ) скоро была представлена. Въ ней заключалось слѣдующее.

„Въ епархіи, называемой Руми-Сехиръ, принадлежащей нынѣ Персіи,—писалъ халдейскій священникъ Михаилъ,—находится 30.000 христіанъ, пасомыхъ четырьмя архіереями—двумя митрополитами и двумя епископами (митрополіи называются—ердисей (ердисейская) и гевилень (гевиленская), а епископіи—ада (адасская) и гкіутафа (гкіутафская). Такіе же христіане есть и въ русской Персіи, въ епархіи Эриванской, въ трехъ селеніяхъ: Куласаръ, Дуіунъ и Гкіюли.

Къ этимъ христіанамъ принадлежу и я, носящій у нихъ званіе священника. Отправившись изъ своего отечества для поклоненія свв. мѣстамъ и посѣщая во многихъ странахъ православныя церкви, я нашелъ много сходства (πολλήν ὁμοιότητα) между священнодѣйствіями, которыя въ нихъ совершаются, и между нашими священнодѣйствіями и чиноположеніемъ. Размысливши, съ другой стороны, о томъ, какимъ опасностямъ подвергаются наши христіане отъ католиковъ и протестантовъ, различными способами усиливающихся распространить среди насъ свое исповѣданіе, я возжелалъ обратить вниманіе православной восточной церкви на бѣдствія нашего народа, точнѣе же—исходатайствовать покровительство ему со стороны всероссійскаго Святѣйшаго Правительствующаго Синода, который имѣетъ возможность возстановить опять сіявшую нѣкогда въ Персіи восточно-православную церковь, по несчастнымъ обстоятельствамъ упавшую и угрожаемую скорымъ уничтоженіемъ, если какая либо рука не прострется, чтобы спасти ее отъ належащихъ бѣдъ.

Такъ какъ въпродолженіе четырехъ сотъ и болѣе лѣтъ мы не входили въ общеніе съ другими православными церквями, то легко можетъ быть, что въ нашихъ священнодѣйствіяхъ и обрядахъ иное потерпѣло какую либо перемѣну

въ отношеніи къ образу совершенія, или въ отношеніи къ благолѣпію. Сюда должно отнести недостатокъ богослужебныхъ книгъ и необразованность церковныхъ предстоятелей нашего народа. Если бы церковь русская благоволила соединить насъ съ православными, то у насъ удобно были бы исправлены измѣненія и отступленія, и церковь наша была бы возведена въ состояніе первоначальной своей чистоты“.

Въ заключеніе всего священникъ Михаилъ проситъ преосв. Кирилла довести объ этомъ до свѣдѣнія Св. Синода и ходатайствовать, чтобы онъ, обратилъ вниманіе на бѣдственное положеніе халдейскаго народа, съ свойственною ему апостольскою ревностію принять его подъ свое покровительство и на будущее время оградилъ его отъ навѣтовъ вражескихъ извѣстными ему и доступными для него пастырскими средствами.

Получивъ письменное заявленіе, преосв. Кириллъ, черезъ посредство іерусалимскаго патріарха Кирилла II-го, довелъ дѣло халдейскаго священника Михаила до свѣдѣнія великаго князя Константина Николаевича, бывшаго тогда въ Іерусалимѣ. Великій князь изволилъ выразить желаніе, чтобы отъ халдейскаго священника была взята записка о его дѣлѣ.

Тогда священникъ Михаилъ 7 мая 1859 года подаль великому князю прошеніе слѣдующаго содержанія.

„Съ давняго времени“,—писалъ онъ,—„существуетъ подъ державою персидскаго государства одна епархія, называемая Рули-Сехиръ, въ которой живетъ около 30.000 единоплеменныхъ православныхъ христіанъ, остающихся однакоже внѣ всякихъ сношеній съ прочими православными церквами. Единоплеменники и единовѣрцы ихъ находятся и въ русской Персіи, занимая три селенія близъ Эривани, называемыя: Куласаръ, Дугіунъ и Гкіюли. Хотя эти православные христіане персидской епархіи отдѣлены отъ другихъ, лишены всякаго высшаго духовнаго покровительства и естественно, въ продолженіе столь долгаго времени, много потерпѣли и пере-

страдали, —однако же, Божією милостію, они и доселѣ сохранили свою православную вѣру неповрежденною, совершая церковныя чинопослѣдованія на родномъ своемъ (халдейскомъ) языкѣ. Пасутся они двумя митрополитами и двумя епископами... Съ нѣкотораго же времени, частію не имѣя силъ терпѣть дальше отчужденіе и отдаленіе отъ прочихъ едино-вѣрныхъ церквей, частію же слыша о пропагандѣ католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ, и опасаясь, какъ бы они, проникнувъ, наконецъ, и въ ихъ страну, не распространили ереси и среди нихъ и не совратили народа ихъ, христіане указанной епархіи начали съ болѣе горячимъ усердіемъ молиться Богу и пламеннѣе желать церковнаго соединенія съ какою-либо изъ православныхъ церквей, отъ которой бы могли они получить духовную помощь и покровительство. Но такъ какъ ни одинъ изъ находящихся въ Турціи патріарховъ не имѣетъ удобства простереть къ нимъ руку помощи и только одна церковь русская можетъ принять ихъ подъ свою сѣнь и оказать имъ дѣйствительное покровительство, то, со слезами прибѣгая къ Вашему Императорскому Высочеству чрезъ меня смиреннаго предстоящаго, соплеменнаго имъ іерея, христіане умоляютъ Васъ именемъ всемилостиваго Бога Господа нашего Иисуса Христа, чтобы, сжалившись надъ бѣдственнымъ ихъ состояніемъ, Ваше Высочество сообщили эту усердную просьбу Св. Синоду всероссійскому, дабы онъ, съ апостольскою его попечительностію обративъ внимательный взоръ на это дѣло, изслѣдовалъ доступными ему средствами обстоятельства ихъ и благоволилъ принять ихъ подъ духовное свое покровительство и такимъ образомъ оградить отъ всякой опасности духовной это беззащитное немалочисленное общество христіанъ“.

Великій князь передалъ это прошеніе и все дѣло начальнику же русской миссіи въ Іерусалимъ для дознанія, что можно и должно сдѣлать по нему.

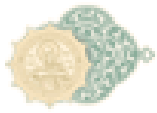
Тогда преосв. Кириллъ приступилъ къ всесгороннему обсужденію прошеній халдейскаго священника Михаила, при чемъ его особенно заняли слѣдующіе три вопроса: 1) въ отношеніи къ нему самому, какъ ходатаю отъ лица цѣлаго общества христіанъ—достаточно ли было его посредничества для начала такого цѣла, какое онъ предпринять и, въ частности, чѣмъ онъ могъ засвидѣтельствовать данныя ему отъ общества полномочія? Въ прошеніи, поданномъ преосв. Кириллу, онъ выражался, что пришелъ къ желанію сблизить свою церковь съ одною изъ православныхъ церквей во время уже путешествія по Востоку. а въ прошеніи, представленномъ великому князю, онъ говорилъ уже о желаніи всего народа и выражалъ мольбу народную, какъ уполномоченный представитель всего общества: 2) въ отношеніи къ исповѣданію общества, отъ лица котораго дѣйствовалъ священникъ Михаилъ: было ли это православное исповѣданіе, какъ увѣрялъ священникъ Михаилъ, или же несторіанское, какъ думалъ іерусалимскій патріархъ, который и въ прощальной своей бесѣдѣ съ начальникомъ русской миссіи, предъ выѣздомъ изъ Яффы въ Константинополь, рѣшительно утверждалъ, что халдейскій священникъ Михаилъ—несторіанинъ, или же это исповѣданіе было православнымъ въ основѣ и только въ частности было искажено, на что намекалъ и самъ священникъ Михаилъ въ своемъ прошеніи къ преосв. Кириллу? Наконецъ, 3) въ отношеніи къ будущему положенію епархіи сиро-халдейской, именно: вступивъ въ общеніе съ православною церковію, къ какому изъ центровъ православія могло бы примкнуть это общество христіанъ, не имѣвшее возможности (по мнѣнію преосв. Кирилла) составить самостоятельную церковь? По поводу этого послѣдняго недоумѣнія преосв. Кириллъ говорилъ и съ патріархомъ іерусалимскимъ, поставляя ему на видъ, съ одной стороны, необходимость подчиненія новоприсоединяемаго общества христіанъ какому либо изъ православныхъ центровъ, а съ другой—кажущееся право

антіохійскаго патріарха на власть надъ этимъ обществомъ, такъ какъ предѣлы антіохійскаго патріархата доходили, по крайней мѣрѣ, въ прежнія времена до тѣхъ мѣстъ, гдѣ жили сиро-халдейцы. Но іерусалимскій патріархъ, съ своей стороны, рѣшительно высказался противъ мысли о подчиненіи сиро-халдейскихъ христіанъ антіохійскому, или другому какому-либо восточному патріаршему престолу, признавая это даже невозможнымъ. Съ такою же рѣшительностію онъ выразилъ мысль, что сиро-халдейскіе христіане, если бы они соединились съ православною церковью, должны были состоять въ зависимости отъ Св. Синода всероссійскаго.

По зрѣломъ обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ, преосв. Кирилль, съ одобренія іерусалимскаго патріарха, далъ такой отвѣтъ халдейскому священнику Михаилу: „просьба ваша будетъ доведена до свѣдѣнія Св. Синода. И я увѣренъ, что, ради святой вѣры и спасенія 30.000 душъ, церковь русская готова будетъ сдѣлать все возможное. Но для правильнаго начала дѣла необходимо, чтобы управляющіе вашею паствою архипастыри сами вошли въ сношеніе съ Св. Синодомъ, изложивъ письменно какъ свои нужды и желанія, такъ и свое исповѣданіе вѣры“.

И, дѣйствительно, преосв. Кирилль донесъ обо всемъ этомъ дѣлѣ Св. Синоду 16 іюня 1859 года. Св. Синодъ, по обсужденіи всего дѣла, ^{17 іюля}_{6 августа} 1859 года рѣшилъ сообщить о содержаніи донесенія преосв. Кирилла министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбою о томъ, чтобы всѣ, изложенныя начальникомъ іерусалимской миссіи, обстоятельства дѣла были разслѣдованы, и чтобы, въ особенности, были отобраны положительныя свѣдѣнія отъ всѣхъ названныхъ халдейскимъ священникомъ Михаиломъ архіереевъ о вѣроисповѣданіи урмійскихъ христіанъ и о томъ, какой высшей іерархіи они желали бы быть, подчинены постѣ присоединенія къ православной церкви.

Министерство иностранныхъ дѣлъ 23 ноября 1859 года сообщило Св. Синоду, чрезъ оберъ-прокурора, что оно, вслѣдствіе отношенія оберъ-прокурора Св. Синода отъ 12 августа 1859 г., поручало русскому генеральному консулу въ Тавризъ собрать возможно болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія о находившихся около города Урміи несторіаняхъ. Генеральный консулъ исполнилъ это порученіе и донесъ министерству слѣдующее.

„Около Урміи“,—писалъ онъ 23 ноября 1859 года.— „въ 50 или 60 деревняхъ живетъ до 8.000 семействъ несторіанъ; но, вѣроятно, являвшійся къ преосв. Кириллу священникъ Михаилъ подразумѣвалъ и несторіанъ, живущихъ въ турецкихъ предѣлахъ. Около 4.000 семействъ урмійскихъ несторіанъ находятся подъ вліяніемъ американскихъ протестантскихъ миссіонеровъ, около 100 семействъ—подъ вліяніемъ миссіонеровъ католическихъ, а остальные подчинены своему патріарху и епископамъ. Протестанты въ особенности обязаны своими услѣхами заведенной ими типографіи для печатанія евангелій, а также заботливости своей о матеріальномъ благосостояніи народа“.

Тоговременный несторіанскій патріархъ Маръ-Шелакъ, по донесенію консула, жилъ въ турецкихъ владѣніяхъ, близъ города Джумамерга; названія четырехъ епархій, кромѣ одной, исполнѣ соответствовали показаніямъ священника Михаила.

По окончаніи послѣдней персидской войны, около 80 семействъ урмійскихъ несторіанъ, дѣйствительно, переселились въ Эриванскую губернію и присоединились къ православію, продолжая и послѣ того поддерживать постоянныя сношенія съ своими соотечественниками.

Въ послѣднее время, по справкамъ, наведеннымъ консуломъ, между урмійскими несторіанами проявилось желаніе присоединиться къ православной русской церкви, съ каковою цѣлію они и намѣревались вызвать въ Урмію нѣсколькихъ

духовныхъ лицъ изъ эриванскихъ новообращенныхъ своихъ соотечественниковъ.

Къ этому консулъ нашъ прибавлялъ, что всѣ свѣдѣнія о сиро-халдеяхъ онъ долженъ былъ собирать съ крайнею осторожностію, а потому и не могъ еще пока навести справки о сношеніяхъ священника Михаила съ несторіанскими архіереями и о томъ, въ чемъ собственно заключается ихъ отступленіе отъ православной церкви.

На основаніи этихъ свѣдѣній, полученныхъ отъ консула, министерство иностранныхъ дѣлъ, съ своей стороны, признало наиболѣе цѣлесообразнымъ и необходимымъ отправить въ Персію, для собранія основательныхъ и точныхъ свѣдѣній о сиро-халдеяхъ урмійскихъ и ихъ единовѣрцахъ, жившихъ въ предѣлахъ Турціи, довѣренное духовное лицо, которое могло бы навлечь на себя меньше подозрѣній отъ персидскаго и турецкаго правительствъ, чѣмъ гражданскій чиновникъ. Это духовное лицо, пользуясь полнымъ содѣйствіемъ агентовъ русскаго правительства, могло бы, по мнѣнію министерства, съ наибольшею пользою и успѣхомъ совершить это дѣло, отправившись черезъ закавказскій нашъ край и сблизившись съ эриванскими новообращенными сиро-халдеями, что облегчило бы миссіонеру заведеніе сношеній съ ихъ прежними единовѣрцами. Отправленіе же православнаго русскаго миссіонера къ урмійскимъ несторіанамъ министерство во всякомъ случаѣ находило безусловно необходимымъ, опасаясь, въ противномъ случаѣ, чтобы протестантскіе миссіонеры не распространили своего вліянія на всѣхъ несторіанъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ ходѣ дѣла, такъ, повидимому, успѣшно начавшагося, произошла остановка, продолжавшаяся около двухъ лѣтъ... Чѣмъ она была вызвана, не можемъ сказать. Мы имѣемъ только свѣдѣнія, что въ это время въ С.-Петербургъ пріѣзжалъ халдейскій священникъ Михаилъ, который и началъ все дѣло въ 1859 году. Но мы ничего не знаемъ

объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось это путешествіе священника Михаила съ далекаго Востока въ сѣверную столицу Россіи: самъ ли онъ предпринялъ его, или же, быть можетъ, онъ являлся въ Россію по вызову Св. Синода, переданному ему чрезъ начальника русской миссіи въ Іерусалимъ или чрезъ кого другого.

Несомнѣнно, повторяемъ, только то, что халдейскій священникъ Михаилъ былъ въ С.-Петербургѣ въ 1861 году и увѣрялъ здѣсь наше правительство въ томъ, что не только персидскіе несторіане, но и тѣ, которые жили въ азіатской Турціи, числомъ до 20000 семействъ, съ патріархомъ и со всею подчиненною ему іерархіею во главѣ, расположены къ соединенію и, дѣйствительно, соединятся съ православною церковью, если русское правительство пошлетъ къ нимъ избранное и довѣренное лицо для предварительныхъ переговоровъ ¹⁾.

Тогда Св. Синодъ, принявъ во вниманіе то, что заявленное халдейскимъ священникомъ Михаиломъ всеобщее расположеніе несторіанскаго общества соединиться съ православною церковью требуетъ точнѣйшаго удостовѣренія и приведенія въ ясность и извѣстность всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ столь важному и серьезному дѣлу ^{15/27} сентября 1861 года рѣшилъ послать на Востокъ, согласно съ мнѣніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, архимандрита Софонію, отправивъ вмѣстѣ съ нимъ и сиро-халдейскаго священника Михаила.

Архим. Софоніи ²⁾, предъ отправленіемъ его на Востокъ, была вручена петербургскимъ митрополитомъ Иси-

¹⁾ См. Церковн. Вѣсти. 1898 г. № 12, стр. 412 прим

²⁾ Софонія Сокольскій, магистръ VII курса С.-Петербургской духовной академіи; съ 1848 по 1853 г. настоятель посольскихъ церквей въ Константинополѣ и Римѣ; съ 13 марта 1863 г. епископъ новомиргородскій, викарій херсонской епархіи; съ 12 ноября 1878 г. епископъ туркестанскій и ташкентскій; † 1877 г. въ санѣ архіепископа. См. м. Филаретъ Собр. мнѣній и огзывовъ, т. V М. 1887 г., стр. 325, прим. 1.

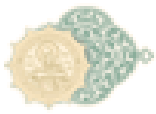
доромъ 1- октября 1861 года особая инструкція. нарочито составленная въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

По смыслу этой инструкціи, главною цѣлю миссіи архим. Софоніи было собраніе предварительныхъ свѣдѣній объ урмійскихъ несторіанахъ, выразившихъ желаніе соединиться съ православною церковью. Мѣстомъ постоянного его пребыванія, во время исполненія возложеннаго на него порученія, былъ назначенъ г. Эривань, какъ пунктъ наиболѣе удобный по близости къ нему мѣстечка Кюйлаассаръ, населеннаго сиро-халдейцами, выселившимися изъ Персіи и принявшими православіе, и по безпрепятственности сношеній съ экзархомъ Грузіи. въ вѣдѣніи котораго состояла миссія, и съ сиро-халдейскими несторіанами.

Въ частности, архим. Софоніи поручалось, негласно и съ возможною осторожностію, для того, чтобы ни въ комъ не возбудить подозрѣнія— ни въ персахъ, опасавшихся вліянія Россіи, ни въ инославныхъ миссіонерахъ, съ давняго времени дѣйствовавшихъ среди урмійскихъ несторіанъ, собрать слѣдующія. возможно болѣе вѣрныя и подробныя, свѣдѣнія: 1) точно ли іерархія урмійскихъ несторіанъ, священники и народъ имѣли расположеніе къ принятію православія, и если это справедливо, до какой степени созрѣла эта готовность? Кто изъ епископовъ и вообще высшихъ духовныхъ лицъ раздѣлялъ это желаніе, и кто не раздѣлялъ, и знали ли объ этомъ желаніи патріархъ несторіанскій?

2) не соединяли ли несторіане съ такимъ желаніемъ какихъ либо политическихъ видовъ, напр., переселенія въ предѣлы Россіи, чего они прежде домогались и не могли достигнуть. потому что дополнительными статьями къ туркман-гоискому трактату съ Персіею воспрещалось всякое переселеніе изъ Россіи въ Персію и наоборотъ. безъ согласія мѣстныхъ правительствъ?

3) не разсчитываютъ ли несторіане, по принятіи православія, просить у Россіи матеріальнаго пособія на устрой-

ство церквей, содержаніе духовенства, заведеніе школъ и т. п.?

4) какого они держались исповѣданія вѣры, т. е. кромѣ коренного пункта ученія Несторіева, осужденнаго вселенскимъ соборомъ, не усвоены ли этою сектою съ теченіемъ времени еще какія либо мнѣнія, несогласныя съ православною догматикою; для этого желательно было бы знать: а) символъ вѣры, употреблявшійся въ несторіанской церкви; б) толкованіе символа общепринятое или по преданію устно передаваемое; в) обрядность и соединявшееся съ нею значеніе, какъ выраженіе исповѣдуемой вѣры; г) ученіе о почитаніи святыхъ, поклоненіи св. иконамъ, постахъ, праздникахъ, таинствахъ—матеріи ихъ, числѣ и порядкѣ совершенія, о порядкѣ всedневныхъ службъ церковныхъ;

5) сколько было у несторіанъ степеней іерархіи, какая существовала у нихъ организація церковнаго управленія, сколько было епархій и кто ими управлялъ? 6) на какомъ языкѣ совершалось у несторіанъ богослуженіе и какія у нихъ употреблялись богослужебныя книги; 7) были ли у несторіанъ духовныя училища, какія преподавались въ нихъ науки и въ какихъ епархіяхъ они находились? 8) сколько въ урмійской области было заведено училищъ миссіонерами сѣверо-американскими и западно-европейскими, имѣли ли несторіане довѣріе къ нимъ, или же отдавали туда дѣтей только потому, что не имѣли другихъ способовъ для воспитанія дѣтей? На какихъ условіяхъ принимались несторіанскія дѣти въ училища, съ платою за содержаніе и обученіе, или безъ платы, и какія науки преподавались въ нихъ; 9) каковы были вообще успѣхи католической и протестантской миссіи въ Урміи, какъ дѣйствовали эти миссіонеры—тайно, или же открыто и съ вѣдома и дозволенія правительства, и были ли среди обращенныхъ ими духовныя лица несторіанскія?

Такъ широка и сложна была задача, возложенная на архим. Софонію. Безъ сомнѣнія, исполнить эту задачу одно-

му человѣку и при томъ еще въ сравнительно короткій—шестимѣсячный—промежутокъ времени было весьма трудно и даже едва ли возможно, особенно если принять во вниманіе то, что архим. Софонія былъ незнакомъ ни съ мѣстомъ, ни съ людьми, среди которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать, и даже совсѣмъ не зналъ сиро-халдейскаго языка, которому онъ сталъ учиться уже на пути въ Эривань ¹⁾.

Это сознавало, повидимому, и само начальство, которое назначило въ помощь архим. Софоніи двухъ лицъ: халдейскаго священника Михаила и обратившагося изъ несторіанства кюйлаассарскаго священника Іоанна Ильина.

Первый изъ нихъ, т. е. халдейскій священникъ Михаилъ, долженъ былъ, подъ руководствомъ и по указаніямъ архим. Софоніи, войти въ сношенія съ несторіанскими епископами съ цѣлю узнать ихъ расположеніе къ принятію православной вѣры и условія, на которыхъ они желали бы присоединиться къ православной церкви; отъ второго же, т. е. священника Іоанна Ильина, архим. Софонія долженъ былъ незамѣтно, подъ видомъ человѣка желающаго узнать это для себя лично, получить свѣдѣнія о вѣрѣ, богослуженіи, обрядности и внутреннемъ устройствѣ несторіанскаго сиро-халдейскаго общества.

Къ сожалѣнію, оба эти помощника архим. Софоніи, къ тому же назначенные не официально, а только частнымъ образомъ прикомандированные къ миссіи архим. Софоніи, оказались не вполне подготовленными и пригодными для того важнаго дѣла, для котораго пришлось имъ потрудиться, какъ это видно и изъ переписки между архим. Софоніемъ и нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Тавризѣ г. Черняевымъ.

Отъ священника Іоанна Ильина самъ Софонія ожидалъ мало пользы для дѣла, о чемъ онъ прямо говоритъ въ пись-

¹⁾ См. у митрополита Филарета. Собраніе мѣній и отзывовъ т. V, ч. I М. 1887 г., стр. 326.

мѣ къ консулу отъ 28 декабря 1861 г. Что же касается несторіанскаго священника Михаила, то, по отзыву консула Черняева, ему нельзя было отказать въ живости и предприимчивости характера, но за то въ немъ были два качества весьма нежелательныя въ человѣкѣ, призванномъ участвовать въ столь важномъ дѣлѣ, какъ миссія архим. Софоніи, а именно: излишняя торопливость и невоздержность на языкъ, доходившая до хвастливости. „Онъ“,—говоритъ консулъ Черняевъ въ своемъ письмѣ къ архим. Софоніи отъ 20 января 1862 года,—„слишкомъ много болталъ здѣсь (т. е. въ Тавризѣ) вездѣ и при всѣхъ случаяхъ о вниманіи оказанномъ ему высокими особами въ Петербургѣ, слишкомъ явно провозглашалъ себя новообращеннымъ изъ несторіанства въ православіе духовнымъ лицомъ“, т. е. другими словами, дѣйствовалъ совершенно вопреки тому, какъ требовалось инструкціею, данною архим. Софоніи, о чемъ ему и вынужденъ былъ замѣтить нашъ генеральный консулъ въ Тавризѣ.

Это обстоятельство, т. е., неподготовленность и ненадежность помощниковъ, указанныхъ самимъ правительствомъ, заставило архим. Софонію искать себѣ содѣйствія у другихъ лицъ. Такими сотрудниками его были, прежде всего, упомянутый выше генеральный консулъ нашъ въ Тавризѣ и затѣмъ два жителя м. Кюлассаръ братья Мелики—Саядъ и Николай, обращенные изъ несторіанства въ православіе.

Первый своими совѣтами и нравственною поддержкою, а послѣдніе—самымъ дѣломъ значительно облегчили архим. Софоніи выполнение весьма труднаго и отвѣтственнаго порученія, даннаго ему правительствомъ, особенно на первыхъ порахъ, когда пришлось ему жить и дѣйствовать въ совершенно незнакомой мѣстности и среди совершенно новыхъ людей.

Въ частности, кюлассарскіе жители, братья Мелики оказались весьма полезными для архим. Софоніи при соби-

раніи имъ свѣдѣній касательно расположенія всего несторіанскаго общества къ переходу въ православіе. Съ этою цѣлію Софонія посылалъ Меликовъ въ самую Урмію, центръ несторіанскаго поселенія, при чемъ поручалъ имъ, въ частности, собрать свѣдѣнія касательно, съ одной стороны, расположенія несторіанъ къ переходу въ православіе и, съ другой стороны, дѣятельности инославныхъ миссіонеровъ среди сиро-халдеевъ. При этомъ, хотя инструкція, данная архим. Софоніи, ограничивала кругъ его дѣятельности собственно только урмійскими, т. е. персидскими несторіанами, но архим. Софонія рѣшился нѣсколько расширить на сей разъ кругъ своей дѣятельности, поручивъ Меликамъ узнать о степени расположенія къ переходу въ православіе и среди турецкихъ несторіанъ.

Поводомъ къ этому послѣднему дѣйствію архим. Софоніи послужили слѣдующія два обстоятельства: 1) увѣреніе одного изъ несторіанскихъ епископовъ, Маръ-Денхи¹⁾, приходившаго изъ Турціи, гдѣ онъ былъ викаріемъ при матранѣ (митрополитѣ), въ Кюйлассаръ въ декабрѣ 1861 года, — увѣреніе его въ томъ, что несторіане, жившіе въ предѣлахъ восточной Турціи, были весьма расположены къ принятію православія и что онъ самъ, Маръ-Денха, между прочимъ, затѣмъ и прибылъ къ архим. Софоніи, чтобы, согласно съ волею своихъ матрановъ (митрополитовъ), заявить ему объ этомъ; и 2) письмо, полученное архим. Софоніею 25 января 1862 года отъ матрановъ Маръ-Хнанишу и Маръ-Іосифа, въ которомъ они умоляли именемъ Іисуса Христа и страшнымъ судомъ Его вступить за нихъ и вѣрить словамъ викарія ихъ (т. е. Маръ-Денхи) до того, что „уста его пусть будутъ устами ихъ“, хотя они не говорили ясно о томъ, въ чемъ именно нужно было вѣрить Маръ-Денхѣ. Поэтому.

¹⁾ См. у митрополита Филарета. Собраніе мнѣній и отзывовъ т. V, ч. 1-я стр. 331.

Мелики, собравъ свѣдѣнія объ урмійскихъ несторіанахъ, должны были, по указанію архим. Софоніи, отправиться въ Азіатскую Турцію для личныхъ объясненій съ обоими матранами и даже, если возможно будетъ, съ самимъ Маръ-Шимономъ, т. е. несторіанскимъ патріархомъ.

Но выполнивъ данное имъ порученіе относительно урмійскихъ несторіанъ, Мелики не могли проникнуть въ Турцію, по причинѣ множества снѣговъ на горахъ, черезъ которыя имъ необходимо было переѣзжать, и отправили туда вмѣсто себя пѣшими двухъ айсоровъ урмійскихъ и одного священника (Лазаря, изъ самаго города Урміи) съ письменнымъ извѣстіемъ матранамъ, что вся Урмія изъявила согласіе на принятіе православія и что, если и они желаютъ того же, то пусть дадутъ знать объ этомъ.

Отвѣтъ на это письмо отъ матрановъ должны были принести въ Кюйлассаръ урмійскіе айсоры, а священникъ Лазарь имѣлъ идти далѣе, къ несторіанскому патріарху Маръ-Шимону, чтобы вывѣдать образъ мыслей и расположеніе къ православію какъ его самого, такъ и окружавшей его родни, и объ этомъ дать знать въ Кюйлассаръ письменно, или лично архим. Софоніи. 10 апрѣля 1862 года архим. Софоніи сообщили, что въ Кюйлассаръ пришли урмійскіе айсоры и принесли отъ несторіанскихъ матрановъ въ Турціи письменныя извѣстія. Прибывъ туда 11 апрѣля, архим. Софонія, дѣйствительно, нашелъ тамъ айсоровъ и два письма, принесенныя ими: одно отъ матрановъ, а другое отъ несторіанскаго епископа гяверской епархіи въ Турціи—Маръ-Слывы¹⁾.

¹⁾ По замѣчанію самого архим. Софоніи, подлинность перваго письма была несомнѣнна. Приписка о согласіи матрановъ принять православіе была сдѣлана, по увѣренію несторіанскаго епископа Маръ-Денхи, рукою самого Іосифа, молодого матрана, который своеручно писалъ ему и паспортъ. И дѣйствительно приписка и паспортъ Маръ-Денхи были написаны одною рукою. Другое же письмо отъ имени епископа Маръ-Слывы (см. у митрополита Филарета въ Собр. мн. и отв. т. V, ч. 1, стр. 129) не было скрѣплено никакою печатью, несмотря на то,

Содержаніе того и другого письма было слѣдующее. Матраны, послѣ обычнаго привѣтствія и благожеланія, извѣщали, что осенью (въ ноябрѣ) прошедшаго года они послали въ Россію довѣреннаго отъ себя, епископа Маръ-Денху съ тѣмъ, чтобы вѣрили его словамъ, какъ ихъ собственнымъ, и затѣмъ сообщали краткія свѣдѣнія о томъ, сколько всѣхъ христіанъ жило въ ихъ участкѣ Ноджіо. „Въ нашемъ участкѣ“,—писали они,— „до 2000 домовъ христіанскихъ, а если соединимся всѣ вмѣстѣ, то будетъ въ шесть разъ больше. Церквей у насъ около 300, митрополитовъ 2, епископовъ 4, священниковъ и діаконівъ очень много“. Наконецъ, послѣ описанія насилій и притѣсненій со стороны мусульманъ и просьбы какъ можно скорѣе придти къ нимъ „въ силѣ Божіей“ и освободить ихъ изъ рукъ враговъ, несторіанскіе матраны вручали себя и своихъ пасомыхъ всецѣло въ волю русскихъ, говоря: „освободите ли только насъ изъ рукъ враговъ, оставя на прежнемъ мѣстѣ жительства, или возьмете къ себѣ, т. е. переселите въ Россію? Какъ вы захотите и какъ положите, такъ мы и сдѣлаемъ“¹⁾).

что въ немъ было поименовано, кромѣ епископа, до 30 человекъ: священниковъ, меліковъ и старшинъ участка По объясненію епископа Маръ-Денхи это произошло отъ того, что въ Турціи среди несторіанъ ни епископы, ни священники, ни меліки.—словомъ, никто, кромѣ патріарха и матрановъ, не имѣлъ печати и тѣмъ болѣе не могъ приложить (еслибы даже и имѣлъ) ее къ актовой бумагѣ.

¹⁾ Тонъ письма, повидимому, наводилъ на мысль о томъ, что несторіане искали соединенія съ православною церковью не по признанію неправоты своего вѣрованія и не изъ желанія обрѣсти истину, а по сознанію невозможности далѣе переносить насилія и притѣсненія отъ мусульманъ и изъ желанія найти защиту въ Россіи. Отчасти это была правда; но, по мнѣнію архим. Софонія, этого нельзя было ставить несторіанамъ въ упрекъ, а тѣмъ болѣе за это отказывать имъ въ участіи. Неправильное сопоставленіе ими различныхъ цѣлей отнимало у дѣла характеръ чисто церковный, но и не дѣлало его актомъ одной только политики. Кромѣ того, неправильность въ смѣшеніи цѣлей находила извиненіе и оправданіе, съ одной стороны, въ ихъ необразованности и неумѣніи понимать вещи правильно и выражать ихъ въ надлежащей связи и порядкѣ, а съ другой стороны, въ продолжительномъ страданіи ихъ подъ игомъ рабства, изнуравшаго душевныя ихъ силы до того, что они сдѣлались какъ бы неспособными еѣ ощу-

Письмо это было скрѣплено двумя печатами—большою матрана Іосифа, приложенною въ двухъ мѣстахъ, и малою—матрана Маръ-Хнанишу. На правой сторонѣ текста, на полудлиствѣ было написано другою рукою: „мы оба митрополита турецкой страны, Маръ-Хнанишу и Маръ-Іосифъ въ согласіи принятія нами православной вѣры, Меликамъ Саяду и Николаю, которые присылали къ намъ бумагу изъ Эривани, дали руку“...

Въ письмѣ отъ епископа Маръ-Слывы заключался, главнымъ образомъ, перечень домовъ (3600), селеній (62) и церквей (105, но изъ нихъ 60 были разорены и обращены въ дома мусульманскіе), находившихся въ его епархіи¹⁾, а

щеніямъ и оцѣнкѣ благъ чисто духовныхъ. Кромѣ того, заключительныя слова матрановъ: „освободите ли только насъ изъ рукъ враговъ, оставя на прежнемъ мѣстѣ жительства. или возьмете къ себѣ“... и т. д. съ очевидностію показывали, что хотя несторіане, по крайней мѣрѣ, турецкіе и соединяли съ понятіемъ о православіи мысль о переселеніи въ предѣлы русскіе, но только не поставляли ее непремѣннымъ условіемъ своего согласія на принятіе православія; упоминали же они объ этомъ скорѣе для того, чтобы заявить предъ нашимъ правительствомъ свою всецѣлую преданность ему. Очень вѣроятно, впрочемъ, что несторіане надѣялись получить отъ Россіи, послѣ принятія православія и нѣкоторыя матеріальныя блага, напр., средства на заведеніе школъ, устройство храмовъ, обезпеченіе духовенства и т. п. „Духовенство наше“,—говорилъ несторіанскій епископъ Маръ-Денха архим. Софоніи, спрашивавшему его объ этомъ,—„могло бы безбѣдно жить, если бы мусульмане не грабили и насъ и мірянъ нашихъ. Церкви у насъ есть и содержатся нескучно; училища также мы могли бы завести и сами. Впрочемъ, если бы въ чемъ либо мы и обратились къ Россіи, какъ напр., при заведеніи школъ, то, надѣюсь, она не отказала бы и намъ въ томъ, въ чемъ помогаетъ всѣмъ своимъ единоувѣрнымъ. Но—главное—мы ожидаемъ и желаемъ отъ русскихъ защиты и покровительства, чтобы и мы могли быть увѣрены и обезпечены въ нашей жизни“.

¹⁾ Цифры, опредѣлявшія количество несторіанскихъ домовъ, церквей, селеній и пр., въ томъ и другомъ письмѣ самъ архим. Софонія признавалъ сомнительными. Въ первомъ письмѣ говорилось, что несторіанъ въ участкѣ поджійскомъ было до 2000 домовъ, а всѣхъ, по соединеніи, будетъ болѣе 12000; во второмъ епископъ Маръ-Слыва говорилъ, что въ его епархіи (Гяверской) было до 3600 домовъ. Но какъ нельзя было допустить, по мнѣнію архим. Софоніи, чтобы епархія Маръ-Слывы была столь обширна, такъ и 2000 домовъ нельзя было относить къ одному поджійскому участку, составлявшему епархію матрана, потому

въ концѣ письма, не скрѣпленнаго ни печатью, ни подписомъ, было сказано: „а о принятіи нами православія мы дали слово Меликамъ—Саяду и Николаю“.

Вообще, по свѣдѣніямъ, собраннымъ архим. Софоніею чрезъ посланныхъ имъ сотрудниковъ, оказывалось, что на присоединеніе къ православной русской церкви были согласны въ урмійскомъ (въ Персіи) несторіанскомъ округѣ матранъ Гавріилъ, подчиненные ему епископы: Маръ-Іоаннъ, Маръ-Іосифъ и Маръ-Илія и кандидатъ на епископство Маръ-Іона, и въ сурдійскомъ (въ Турціи) несторіанскомъ округѣ: матраны Маръ-Хнанишу и Маръ-Іосифъ, епископы ихъ: Маръ-Слыва и Маръ-Саркисъ; викаріи: Маръ-Денха и Маръ-Іоаннъ, т. е. три матрана, шесть епархіальныхъ епископовъ (со включеніемъ сюда Маръ-Іоны) и 2 викарія, а всего 11 абунъ, или, что то же, всѣ несторіанскіе архіереи со всѣмъ ихъ клиромъ и народомъ, исключая пока патріарха несторіанскаго Маръ-Шимона и его епархіи.

Впрочемъ, скоро было выяснено болѣе или менѣе достаточно и отношеніе Маръ-Шимона, патріарха несторіанскаго, къ дѣлу соединенія несторіанской общины съ православною церковью. Выше было сказано, что кюйлассарскими братьями Меликами, предъ выѣздомъ ихъ изъ Урміи въ первыхъ числахъ марта 1862 года, былъ отправленъ въ Турцію одинъ священникъ (Лазарь) съ тѣмъ, чтобы онъ побывалъ и переговорилъ о дѣлѣ сначала съ матранами, а потомъ и съ самимъ Маръ-Шимономъ. Съ другой стороны, почти въ то же самое время и архим. Софонія отправилъ изъ Эривани своего особаго посла прямо въ Кудганусъ къ Маръ-Шимону. Поводомъ къ отправленію особаго посольства въ резиденцію

что далѣе говорилось: „митрополитовъ у насъ 2, епископовъ 4, церквей около 300“ и проч. Очевидно, что здѣсь рѣчь шла о цѣломъ округѣ, находившемся въ вѣдѣніи матрана Маръ-Хнанишу, а не объ одной его епархіи, въ которой, по словамъ епископа Маръ-Денхи, было домовъ не болѣе 800, церквей 29, а священниковъ только 18.

несторіанскаго патріарха послужило стеченіе слѣдующихъ обстоятельствъ.

Прежде всего, взять на себя миссію къ Марь-Шимону вызвался сынъ православнаго айсора, бывшаго когда-то діакономъ въ Урміи, а въ то время проживавшаго въ Кюйласарѣ, по имени Илія. Этотъ Илія выдавалъ себя за священника, рукоположеннаго, будто бы, самимъ патріархомъ Марь-Шимономъ, въ бытность сего послѣдняго еще коадьюторомъ при прежнемъ патріархѣ, дядѣ его, но грамоты на поставленіе не имѣлъ. Экзархъ Грузіи ¹⁾ зналъ объ этомъ Иліи по письмамъ архим. Софоніи и, имѣя въ виду дать ему между православными айсорами Эриванской губерніи какое-либо мѣсто, требовалъ, чтобы онъ представилъ свою ставленническую грамоту. Съ другой стороны, синодальный оберъ-прокуроръ препроводилъ незадолго передъ тѣмъ (8 февраля) къ архим. Софоніи прошеніе двухъ несторіанскихъ священниковъ—Даніила и Шимуна, поданное ими на имя московскаго митрополита Филарета, и поручалъ ему собрать точныя свѣдѣнія о просителяхъ. Но такъ какъ ни епископъ Марь-Денха, ни священникъ Іоаннъ Ильинъ и никто другой въ Эривани и Кюйласарѣ не знали и даже не слышали о вышеупомянутыхъ священникахъ, то не оставалось никакого другого средства собрать о нихъ свѣдѣнія, какъ только на мѣстѣ ихъ жительства черезъ какого либо посланца.

Въ виду сейчасъ сказаннаго, архим. Софонія и рѣшился послать къ Марь-Шимону вышеупомянутаго Илію, который долженъ былъ получить отъ патріарха несторіанскаго грамоту о своемъ поставленіи, разузнать о священникахъ—Даніилѣ и Шимунѣ, которые, по соображеніямъ Марь-Денхи, должны были принадлежать къ епархіи патріаршей, и, главнымъ образомъ, собрать возможно болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія объ образѣ мыслей патріарха и расположеніи его къ православію.

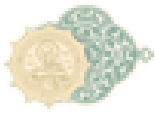
¹⁾ Архіеп Евсевій (Ильинскій) † въ 1879 г. на Тверской кафедрѣ

Оба посланные къ несторіанскому патріарху, т. е. Лазарь и Ілія должны были, по разсчетахъ архим. Софоніи, возвратиться къ нему въ послѣднихъ числахъ марта 1862 года. Между тѣмъ проходилъ уже и апрѣль, а ихъ не было. Такъ какъ приближался срокъ, назначенный для исполненія порученія, даннаго архим. Софоніи, то онъ рѣшился выѣхать и, дѣйствительно, 27 апрѣля выѣхалъ изъ Эривани, распорядившись, чтобы, если посланные возвратятся скоро по его отъѣздѣ, то бумаги, которыя они принесутъ съ собою, выслать къ нему въ Тифлисъ; если же не скоро, то прислать въ Петербургъ.

Между тѣмъ 11 мая 1862 года, когда архим. Софонія находился еще въ Тифлисъ, къ нему явился самъ священникъ Лазарь и сообщилъ слѣдующее. Несторіанскій патріархъ Маръ-Шимонъ принялъ его весьма радушно и, когда узналъ о цѣли его прихода въ Кудчанусъ, то заплакалъ и, воздѣвъ руки, сказалъ: „наконецъ, наступаетъ время избавленія нашего отъ враговъ нашихъ. Но письменнаго отзыва о своемъ согласіи присоединиться къ православной церкви несторіанскій патріархъ не далъ никакого, сказавъ, что онъ боится, какъ бы его печать не попала въ руки мусульманъ. Впрочемъ, онъ обѣщалъ, что, если найдетъ удобный поводъ и случай, то постарается прислать свое письменное согласіе съ кѣмъ либо изъ своихъ.

Наконецъ, вскорѣ послѣ того, именно 24 мая 1862 года три кюйлассарскихъ айсора принесли архим. Софоніи въ Тифлисъ письмо отъ несторіанскаго епископа Маръ-Денхи, который извѣщалъ его, что вышеупомянутый Ілія возвратился отъ Маръ-Шимона и потому всѣ ожидаютъ Софонію въ Кюйлассаръ; но никакихъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что принесъ съ собою Ілія отъ несторіанскаго патріарха, въ письмѣ не сообщалось; архим. Софонія, который въ то время предполагалъ скоро выѣхать въ Петербургъ, не нашелъ для себя возможнымъ возвратиться въ Кюйлассаръ...

Итакъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ архим. Софоніею различными путями, дѣло по вопросу о расположеніи несторіанъ къ принятію православія представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Всѣ несторіанскіе митрополиты и епископы, священники и старшины приходовъ и большая часть несторіанскаго народа, состоявшаго въ ихъ завѣдываніи и жившаго въ предѣлахъ Персіи и Турціи, были согласны принять православіе и присоединиться къ русской церкви. Несторіанскій сиро-халдейскій патріархъ не только зналъ объ этомъ, но, по увѣренію нѣкоторыхъ, и самъ былъ согласенъ вступить въ общеніе съ православною русскою церковью, а чрезъ нее и со всею вселенскою.

Выше было сказано, что архим. Софонія, чрезъ посланныхъ своихъ и особенно чрезъ братьевъ Меликовъ изъ Кюйлассара, старался собрать точныя свѣдѣнія не только о степени расположенія сиро-халдейскихъ несторіанъ къ принятію православія, но также и о дѣятельности инославныхъ миссіонеровъ среди айсоровъ. Свѣдѣнія объ этомъ последнемъ предметѣ, доставленныя архим. Софоніи, были такого рода, что заставляли Софонію ходатайствовать предъ нашимъ правительствомъ о возможно скорѣйшемъ удовлетвореніи стремленія сиро-халдейцевъ къ соединенію съ православною церковью.

Оказывалось, что въ персидскихъ владѣніяхъ протестантскіе и католическіе миссіонеры поселились еще въ концѣ сороковыхъ годовъ XIX в. и жили постоянно въ самомъ городѣ Урміи. Персидское правительство знало какъ объ ихъ пребываніи въ предѣлахъ Персіи, такъ и о цѣли ихъ дѣятельности среди сиро-халдейцевъ. Миссіонеры протестантскіе дѣйствовали энергичнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ католическіе. Главная причина ихъ большихъ успѣховъ заключалась въ томъ, что они свою дѣятельность сопровождали широкою благотворительностію. Обладая большими матеріальными средствами, они входили въ семейныя и вообще житейскія нуж-

ды бѣдныхъ несторіанъ: за однихъ платили подати. другимъ помогали въ содержаніи и прокормленіи семьи, осиротѣвшихъ дѣвицъ выдавали въ замужество. престарѣлыхъ и больныхъ снабжали пищею и лѣкарствами и пр.

Но кромѣ этихъ видовъ, такъ сказать, частной благотворительности, у нихъ были виды благотворенія болѣе общіе и болѣе замѣчательные. Сюда относилось заведеніе ими типографій, аптекъ и школъ.

Типографія была заведена ими въ Урміи. Въ ней печатались книги на языкахъ персидскомъ, арабскомъ, сиро-халдейскомъ старомъ и новомъ, всякаго рода: библіи, евангелія, историческіе синопсисы, священныя исторіи, грамматикки, ариометикки, географіи, логики, философій, разные рассказы и брошюры нравственно-историческаго содержанія, въ родѣ рассказа „Арабъ—невольникъ“, наконецъ, прописи и буквари. По множеству заготовленныхъ и еще не употребленныхъ въ дѣло запасовъ всякаго рода книгъ, въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, книгопечатаніе ограничивалось одними учебниками, букварями, исторіями, ариометиками и т. п., которые непрерывно раздавались всѣмъ учащимся бесплатно; точно также бесплатно раздавались всѣмъ айсорамъ библіи, евангелія и т. п.

Аптекъ, устроенныхъ сѣверо-американскими миссіонерами, было тогда двѣ: одна въ самомъ городѣ Урміи, а другая въ селеніи Сира. При каждой изъ нихъ, кромѣ аптекарей, было еще по одному врачу. Какъ лѣкарство, такъ и лѣченіе всѣмъ сиро-халдейцамъ предлагались даромъ. Больницъ не было ни одной и всѣ больные были приходящими, или же лѣчились на дому.

Элементарныхъ школъ тѣми же протестантскими миссіонерами было заведено въ 1840—50 годахъ, въ разныхъ мѣстахъ урмійскаго округа, около 50. Онѣ раздѣлялись на два участка, изъ коихъ каждый заключалъ въ себѣ по 25 училищъ и завѣдывался особымъ смотрителемъ изъ грамот-

ныхъ айсоровъ. Получая хорошее содержаніе и жалованье, смотрители наблюдали за дѣйствіями преподавателей айсоровъ и зданіями, а за успѣхами учащихся слѣдили сами миссіонеры. Однимъ изъ такихъ наблюдателей былъ нѣкогда кюйласарскій священникъ Ильинъ, въ бытность его въ Урміи. Въ школы принимались безмездно и мальчики и дѣвочки (первыхъ всегда было больше), но учились тѣ и другія отдѣльно. Въ школахъ было по два класса, изъ коихъ въ одномъ обучались собственно грамотности, т. е. читать и писать, а въ другомъ преподавались и нѣкоторые предметы, какъ-то: священная исторія, ариѳметика и грамматика. Кромѣ того, въ селеніи Сардагъ было заведено училище, въ родѣ высшаго или центральнаго, въ которомъ предполагали преподавать ученикамъ географію, гражданскую исторію, логику и философію. Въ этомъ училищѣ предполагалось воспитывать тѣхъ изъ молодыхъ айсоровъ, которые предназначались въ учителя для другихъ школъ.

Впрочемъ, такъ дѣло обстояло съ школами только въ началѣ дѣятельности инославныхъ миссіонеровъ среди сиро-халдейскихъ несторіанъ. Вскорѣ все это стало слабѣть и падать. Въ это время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, изъ вышеупомянутаго числа школъ едва ли осталась и половина. Кругъ самыхъ предметовъ обученія въ школахъ несторіанскихъ настолько сократился, что въ большей части ихъ стали обучать только чтенію, писъму и священной исторіи, или ариѳметикѣ, все же прочее было оставлено и замѣнилось чтеніемъ пророческихъ и новозавѣтныхъ книгъ. Сардагское училище, правда, еще продолжало существовать, но у айсоровъ, видимо, было мало охоты изучать заморскую мудрость.

Главнѣйшая причина охлажденія сиро-халдейцевъ къ школамъ и обученію дѣтей заключалась въ томъ, что въ началѣ открытія школъ многіе изъ айсоровъ не понимали тайныхъ цѣлей, съ какими онѣ собственно заводились, и потому, не имѣя никакихъ другихъ средствъ къ обученію

дѣтей, отдавали ихъ туда охотно и во множествѣ. Когда же они увидѣли, что молодые школьники мало-по-малу теряли въ миссіонерскихъ школахъ народный духъ и вѣрованія отеческія и становились протестантами, всѣ, кто не желалъ протестантизма ни для себя, ни для своего потомства, тотчасъ же перестали отдавать дѣтей своихъ въ школы, въ которыхъ остались только дѣти айсоровъ, уже совратившихся въ протестантство.

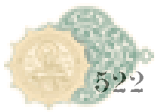
Впрочемъ, многіе изъ этихъ послѣднихъ съ теченіемъ времени начали разочаровываться и охлаждать къ своимъ наставникамъ и принятой отъ нихъ вѣрѣ. Иные же и вовсе оставляли протестантство и возвращались къ вѣрѣ своихъ отцовъ. И это дѣлали не только простолюдины, но и священники, изъ коихъ иные состояли даже на содержаніи миссіонеровъ. Таковы были, напр., священникъ Израиль изъ селенія Широбатъ и священникъ Юхана изъ селенія Чамакіи. Оба они немалое время были протестантами и пользовались особеннымъ вниманіемъ миссіонеровъ—своихъ руководителей, а одинъ изъ нихъ—Израиль имѣлъ даже и должность при типографіи съ полученіемъ хорошаго содержанія; но, понявъ ближе сущность новой вѣры и стремленія миссіонеровъ, оба они отказались отъ всего и возвратились къ родной вѣрѣ. Оба они, будучи священниками на прежнихъ своихъ приходахъ, заявили архим. Софоніи согласіе на принятіе православія.

Замѣчательно, что протестантскіе миссіонеры нитались было совратить даже одного изъ несторианскихъ епископовъ, но безуспѣшно. Извѣстный уже намъ халдейскій священникъ Михайль, въ бытность свою въ Петербургѣ, утверждалъ, что одинъ изъ несторианскихъ епископовъ, по имени Іоаннь (Маръ-Юханакъ) сдѣлался протестантомъ, женился и, оставивъ свою прежнюю паству, поселился въ г. Урміи. Но по собраннымъ архим. Софоніею точнымъ справкамъ, оказалось, что Іоаннь, дѣйствительно, былъ обольщаемъ миссіонерами и

хотѣлъ принять протестантство; но затѣмъ раздумалъ и не принялъ его (по крайней мѣрѣ, до 1862 года), а тѣмъ болѣе не женился, не оставлялъ своей епархіи, и не переѣзжалъ въ Урмію. Замѣчателенъ отзывъ этого епископа о протестантствѣ, показывающій, между прочимъ, и то, къ какимъ средствамъ прибѣгали иногда протестантскіе миссіонеры для пропаганды своего исповѣданія между обитателями далекаго Востока. Отзывъ этотъ былъ сдѣланъ имъ въ присутствіи священника халдейскаго Михаила, двухъ протестантскихъ миссіонеровъ и братьевъ Меликовъ, предъ которыми Маръ-Юхананъ какъ бы жаловался. „Они меня увѣрили“,—говорилъ Маръ-Юхананъ, указывая на своихъ недавнихъ друзей,—„что ихъ вѣра—совершенно та же, что и православно-русская. Между тѣмъ оказалось, что у нихъ нѣтъ ни иконъ, ни постовъ, ни молитвословій“. Изъ этого видно, что миссіонеры, привлекая въ свои сѣти неопытныхъ и необразованныхъ несторіанъ, между прочими убѣжденіями, не пренебрегали и тѣмъ, что выдавали свое вѣроисповѣданіе за православно-русское.

Не менѣе замѣчателенъ и отзывъ матрана (митрополита) Гавріила о протестантскихъ миссіонерахъ и ихъ дѣйствіяхъ между айсорамъ. По увѣренію Меликовъ, матранъ Гавріилъ неоднократно повторялъ передъ ними, что протестантство, видимо, слабѣетъ и падаетъ между ихъ народомъ, и сами миссіонеры протестантскіе давно уже замѣтили, что едва ли не напрасно усиливается насадить между айсорамъ свое вѣроученіе, слишкомъ далекое отъ нихъ по началамъ религіознымъ и слишкомъ недоступное по духу страны, скованной деспотизмомъ. А потому,—продолжалъ матранъ,—сами же миссіонеры нерѣдко говорили и говорятъ, что какъ только явятся здѣсь русскіе миссіонеры, то протестантство и католичество падутъ совершенно. „До какой степени истинны и вѣрны сужденія миссіонеровъ о самихъ себѣ и о дѣлѣ рукъ своихъ, покажетъ время“,—замѣчаетъ, съ своей сто-

роны. архим. Софонія,—„но уже и нынѣ можно видѣть какъ бы проявленіе того, о чемъ они прорекуютъ“. Дѣйствительно, какъ только посланные архим. Софоніи, братья Мелики появились среди айсоровъ, то не смотря на то, что они всячески и тщательно скрывали отъ всѣхъ истинную цѣль своего путешествія, айсоры—протестанты узнали объ этомъ и иногда цѣлыми селеніями заявляли свое согласіе и желаніе принять православіе.

Что же касается католическихъ миссіонеровъ, то дѣятельность ихъ среди айсоровъ была много слабѣе и менѣе успѣшна, чѣмъ дѣятельность протестантовъ. Католическая миссія не имѣла здѣсь ни школъ, ни больницъ, ни аптекъ, ни типографій. Къ тому же католическіе миссіонеры были не такъ и щедры на дѣла благотворительности, какъ ихъ соперники. А потому католики были весьма нелюбимы всѣмъ вообще айсорскимъ народомъ, среди котораго жива еще была память о тѣхъ жестокихъ насиліяхъ, при помощи которыхъ католическіе миссіонеры обратили въ латинство около 100 семействъ несторіанъ, жившихъ въ долину при подошвѣ Курдскихъ горъ. Собственныхъ храмовъ не было ни у протестантовъ, ни у католиковъ, занимавшихся пропагандою среди айсоровъ. Но у католиковъ за то было два ксенза, которые совершали иногда свои мессы и говорили даже проповѣди въ храмахъ несторіанскихъ, за что у нихъ нерѣдко возникали съ несторіанскимъ духовенствомъ пренія, оканчивавшіяся иногда даже рукопашнымъ боемъ.

Священникъ Ѳ. Титовъ.

(Продолженіе будетъ).